

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИФА О ЖЕРТВОПРИНОШЕНИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ А.С.ПУШКИНА («МЕДНЫЙ ВСАДНИК»)
И Л.БЛАГИ («МАСТЕР МАНОЛЕ»)**

Наталья МИТРИНЮК

Бельгийский государственный университет им. Алеку Руссо

În articolul dat este prezentată analiza comparativă a transformării mitului de sacrificiu din punct de vedere estetic și filosofic în textele literare ale lui A.S.Pușkin (*Călărețul de aramă*) și L.Blaga (*Meșterul Manole*).

The presented article is dedicated to the examination of transformation of the myth of sacrifice in the artistically-aesthetic and philosophical aspects in different works of art. The subject of investigation are works written by A.S. Pushkin (*Mednii Vsadnik*) and L.Blaga (*Meșterul Manole*). The comparative aspect of the selected theme determines the novelty of the investigation.

Миф играет особую роль в формировании художественного текста. Его можно соотнести с природой этого текста. Со временем в канве большинства художественных текстов, переосмысливаясь, проявляются своеобразные мифологические элементы. Первые попытки переосмысления мифологического материала в составе художественных текстов были предприняты еще в античности. Изучением мифов в разные периоды времени занимались: Ф.Шеллинг, А.Афанасьев, А.Потебня, Б.Малиновский, З.Фрейд, К.Юнг, В.Топоров, Е.Мелетинский, М.Элиаде и другие. Но до настоящего времени роль мифов как обязательного структурного элемента художественных текстов до конца не выяснена. Обратимся к конкретным художественным текстам. С этой целью необходимо уточнить, какое содержание следует вкладывать в понятие «миф». Литературный энциклопедический словарь дает следующее определение: «Мифы – создания коллективной общенародной фантазии, обобщенно отражающие действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций и одушевленных существ, которые мыслятся реальными» [1]. Данное определение квалифицирует миф как условную реальность, созданную общенародной фантазией. Применительно к художественным текстам ряд исследователей отмечали такие характеристики, как сакрализация мифического «времени первотворения», в котором кроется причина установившегося миропорядка (М.Элиаде) [2]; нерасчлененность образа и значения (А.Потебня) [3]; всеобщее одушевление и персонализация (А.Лосев) [4]; тесная связь с ритуалом; циклическая модель времени; метафорическая природа; символическое значение (Е.Мелетинский) [5]. С одной стороны, мифы являются важнейшим источником сюжетов и образов во все времена развития искусства, с другой – мифом может стать созданная автором по законам художественной правды новая реальность, которая моделируется в соответствии с предполагаемыми законами древнего сознания.

Мифологические элементы в художественных текстах не ограничиваются мифологическими персонажами. Так как структура содержания отличает миф от всех других продуктов человеческой фантазии, то именно она способна определять принадлежность некоторых элементов произведения к мифологическим. Мифологическим элементом может быть и нечто реальное, интерпретированное особым образом (битва, болезнь, вода, земля, предки, числа и пр.) Как отмечает Р. Барт, «мифом может быть все» [6]. Е.М.Мелетинский включает в круг мифологических элементов очеловечивание природы и всего неживого, приписывание мифическим предкам свойств животных, т.е. представления, порожденные особенностями мифопоэтического мышления [5].

Чтобы увидеть мифологические элементы в художественном тексте, необходимо обратить внимание и на исторический фон литературного произведения. Так, исторические личности и события предстают в художественном тексте, наделенные чертами мифических персонажей, а факты истории несут те же функции, что и мифологические элементы. Наше мнение подтверждается словами М.Элиаде. Он отмечает «одну из важнейших характеристик мифа, которая заключается в создании типичных моделей для всего общества», признавая «общую человеческую тенденцию... выставлять в качестве примера историю одной человеческой жизни [2]. М.Элиаде приводит пример – образ Дон Жуана, который возникает в творчестве многих писателей в разных трактовках: как политический или военный

герой, незадачливый любовник, циник, нигилист, меланхолический поэт и т.д. М.Элиаде утверждает: «Копирование этих архетипов выдает определенную неудовлетворенность своей собственной личной историей. Смутную попытку ... снова очутиться в том или ином Великом Времени» [2] (очевидно, это является одной из причин обращения писателей к мифологическим элементам в своих произведениях). Сведения о процессе мифологизации истории отмечены и в Литературном словаре, где наряду с этим утверждается возможность и обратного процесса – историзации мифа [1].

В связи со сказанным нам представляется возможным даже не выделять исторические реалии из круга мифологических элементов, а причислив исторические элементы к кругу мифологизированных, исследовать их целостно. Миф, использованный писателем в произведении, приобретает новые черты и значения. Авторское мышление накладывается на мышление мифопоэтическое, рождая, по сути, новый миф, несколько отличный от своего прототипа. Именно в «разнице» между первичным и вторичным («авторским мифом») кроется, по нашему мнению, заложенный писателем смысл, подтекст, ради выражения которого автор воспользовался формой мифа.

Попытаемся проследить, как трансформируется миф в русской и румынской литературах, в произведениях таких авторов, как А.С.Пушкин (поэма «Медный всадник») и Л.Блага (драма «Мастер Маноле»), так как сравнительно-историческое изучение широкого круга мифов позволило установить, что в мифах различных народов мира – при чрезвычайном их многообразии – целый ряд основных тем и мотивов повторяется. Весьма сходные мифы часто существуют у разных народов, в самых различных частях мира: это круг тем, сюжетов, затрагивающих вопросы происхождения мира, человека, культурных благ, социального устройства, тайны рождения и смерти и др.

Произведения А.Пушкина и Л.Блага воспроизводят один из антропогонических мифов, являющихся составной частью мифов космогонических, – миф о человеке как жертве исторического события. Мифы о таких героях повествуют о том, как человечество овладевало секретами ремесла, земледелия, оседлой жизни, пользования огнем – иначе говоря, как в его жизнь внедрялись те или иные блага цивилизации. У А.С.Пушкина таким благом можно назвать строительство культурной столицы России – Петербурга, у Л.Блага – строительство чудесного монастыря. В центре произведений – Петр I и Мастер Маноле.

В основе использованного в произведениях А.С.Пушкина и Л.Блага мифа – строительный обряд и связанный с ним ритуал строительного жертвоприношения, воспринимающегося как залог успеха строительства.

После А.С.Пушкина в русской литературе к данной теме обращались Н.Некрасов («Железная дорога»), А.Платонов («Котлован»). В румынской литературе народная легенда о строительстве монастыря за счет человеческой жертвы воспроизведена в произведениях А.Маню («Meșterul»), В.Ефтиму («Legenda meșterului Manole»), А.Бландиана («Manole, Manole»).

Сближает эти произведения своеобразный строительный обряд, лежащий в основе художественного конфликта. Исполнение обряда одинаково: заказчик → строитель → строительная жертва → «творение».

В исследуемых текстах заказчиками являются: в пушкинской поэме – Петр I, в драме Л.Блага – румынский господарь Негру-Водэ – легендарные герои, полубоги, полулюди, символизирующие собой идею всемирной силы. Русский царь в пушкинской поэме не назван по имени. Вместо него поэт использует описательные конструкции: «Петра творенье», «державец полумира», «властелин судьбы», «строитель чудотворный» и др. Блага также лишает господаря имени, оставляя только «Vodă», тем самым его герой воспринимается читателями как прототип правителя.

По высочайшему велению этих героев начинается строительство: Петербурга – у Пушкина, чудесного монастыря – в драме Блага. Но место строительства выбирают крайне неудачное:

1) «мшистые, топкие берега» („Медный всадник”) [7];

2) место буйства стихий: „Puteri fără noimă n-au de lucru și macină din sfîncă făină pentru gurile morților. E o învîrtire. E un vîrtej...” („Мастер Маноле”) [8].

И Петр I и Негру-Водэ стремятся обуздать стихию. На строительство Петербурга согнаны сотни тысяч строителей со всех краев земли русской. А румынский господарь выбирает десять лучших мастеров по числу румынских провинций. Здесь важна идея национального единства. В «Медном всаднике» эта идея в речи Петра подчеркнута личным местоимением 1 лица мн.числа «мы»: „Природой здесь нам суждено...” [7].

В пушкинской поэме процесс строительства не отражен: автор перешагивает столетний рубеж и переносит читателя от замыслов Петра на улицы Петербурга:

Прошло сто лет, и юный град,
 Полнощных стран краса и диво,
 Из тьмы лесов, из топи блат
 Вознесся пышно, горделиво... [7]

Л.Блага же старался передать то нечеловеческое напряжение в процессе строительства и состояние аффекта, которое на время заглушает боль Мастера Маноле в связи со смертью Миры, замурованной заживо в стену монастыря. Реплики строителей кратки и отрывисты, напряжение растет от реплики к реплике, начинается игра с жизнью и смертью.

Manole: Lăuntric un demon strigă: "clădește !.." [8].

Manole: Aprindeți pădurile, să se vadă de departe că aici zece draci clădesc biserica lui Hristos [8].

У Л.Благи процесс строительства связан также с космогоническим мифом о сотворении мира за семь дней. Семь лет Маноле пытался построить монастырь, но начатое днем рушилось ночью.

Manole: De șapte ani pierd credința, pierd ziduri și somn [8].

После жертвоприношения монастырь был выстроен в течение нескольких дней.

В румынской литературе, в отличие от литератур других народов, тема жертвоприношения связана с монастырем, в котором, как правило, живут люди, посвятившие или, вернее сказать, пожертвовавшие свою жизнь служению Богу.

Сказочный мегаполис у А.С.Пушкина также не удовольствовался громадной строительной жертвой, т.е. многочисленными смертями строителей в холодных бараках, в студеной воде. Время от времени разъяренная Нева выходит из своих берегов и уносит человеческие жизни (смерть невесты Евгения).

Перегражденная Нева
 Обрато шла, гневна, бурлива,
 И затопляла острова,
 Погода пуше свирепела,
 Нева вздувалась и ревела,
 Котлом клокоча и клубясь,
 И вдруг, как зверь остервенясь,
 На город кинулась... [7].

Жертвы продолжают. Таково художественное решение проблемы у А.С.Пушкина.

Жертвами являются и главные герои – Маноле и Евгений.

Евгений – «маленький человек». Перед нами – мелкий чиновник, обыватель, ничем не примечательный.

О чем же думал он? О том,
 Что был он беден, что трудом
 Он должен был себе доставить
 И независимость и честь;
 Что мог бы бог ему прибавить
 Ума и денег [7].

В мечтах Евгения рисуется предстоящая женитьба, «смиранный приют», «хозяйство и воспитание ребят». Но взбунтовавшаяся Нева разрушает надежды Евгения на тихое счастье. Его невеста становится очередной жертвой мегаполиса. В порыве безумия Евгений решается на бунт и грозит «строителю чудотворному»: «Ужо тебе!». Сталкиваемся с необычным: Пушкин, столь восторговшийся творением Петра (во Вступлении), глубоко сочувствует трагедии Евгения. Тему грандиозного вытесняет тема «власть – человек».

Герой Л.Благи – Маноле. Перед нами личность неординарная, можно сказать, исключительная в отличие от остальных девяти строителей, которые просто хорошо выполняют свою работу. Он – творец.

Не случайно именно он видит вещий сон, в котором предопределена цена успеха строительства: жена или сестра одного из строителей должна быть замурована в монастырские стены. И в роли строительной жертвы выступает жена Маноле – Мира. Маноле находится перед трудным выбором. Его

терзает вопрос: почему Бог при сотворении мира не жертвовал ничем, а от него, Маноле, он требует этого:

Manole: A fost odată săpat în piatră: să nu ucizi. Și alt fulger de atunci n-a mai căzut să șteargă poruncile! (...) Jertfa aceasta de neînchipuit – cine-o cere? Din lumină, Dumnezeu nu poate s-o ceară, fiindcă e jertfă de sânge, din adâncimi, puterile necurate nu pot s-o ceară, fiindcă jertfa e împotriva lor [8].

Но Маноле – художник. Мира, понимая, как много для него значит строительство монастыря, помогает ему принять решение, превращая жертвоприношение в своеобразную игру. Боль потери заглушается актом творения, в результате чего возникает монастырь, равного которому нет. Но после этого великого события возвращается боль утраты, с которой исключительный герой уже не может примириться. Его терзает вопрос: а имел ли он право на убийство? Эстетическое благо уже идет в разрез со злодеянием (жертвоприношением).

Герои – Маноле и Евгений – тяжело переживают гибель близких им людей. Но если в сердце Евгения только одна боль – утрата невесты, то у Маноле их две – утрата Миры и вина за это. Маноле превращается в героя не только мифического, но и одновременно трагического. Очевидно, что миф у Л.Благи представляет собой отправную точку в создании драматического конфликта.

Но ни пушкинский герой, ни герой Л.Благи не могут изменить хода истории и, в свою очередь, становятся жертвами: Евгений – Петербурга, Маноле – рефлексии сознания.

Итак, миф в художественном тексте русской и румынской литературы находит воплощение в общности художественного мотива, сюжета, конфликта, и в то же время решение проблемы у каждого из авторов своеобразно.

Приходим к выводу: функции мифа, мифологических элементов в художественных текстах Пушкина и Благи заключаются в следующем: миф призван найти образец утерянной гармонии (согласно М.Элиаде, одна из функций мифа – установить пример, достойный подражания [2]), а также как живая память о прошлом способен излечить недуги современности. «...мифология способствует преобразованию мира...», – утверждает Р.Барт [6].

Следует отметить своеобразие стилистико-языкового воплощения мифологических элементов в структуре поэмы А.Пушкина и драмы Л.Благи. У А.Пушкина – это использование старославянизмов при описании исторических событий, умелое их соединение с разговорными и просторечными элементами в повествовании о жизни обычного человека, динамичность в развертывании художественных картин, афористичность синтаксических конструкций, их прозрачность, легкость, создаваемая непринужденными переходами от одного стиля художественного повествования к другому.

В пьесе Л.Благи мы наблюдаем влияние экспрессионизма. Избегая описательных конструкций, драматург создает персонажи-идеи, персонажи-концепты, акцентируя внимание на внутреннем конфликте, на конфликте идей.

Литература:

1. Литературный энциклопедический словарь. / Под ред. Кожевникова В., Николаева П.М. - Москва: Сов. энциклопедия, 1987. - 752 с.
2. Элиаде М. Аспекты мифа. - Москва: Парадигма, 2005. - 223 с.
3. Потебня А.А. Слово и миф. - Москва: Правда, 1989. - 624 с.
4. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. - Москва: Политиздат, 1991. - 525 с.
5. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. - Москва: Восточная литература, 1996. - 408 с.
6. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. - Москва: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994 - 265 с.
7. Пушкин А.С. Медный всадник. - Ленинград: Наука, 1978. - 286 с.
8. Blaşa L. În marea trecere. - Chişinău: Litera, 1997. - 319 p.

Prezentat la 29.03.2007